

Подопригора А.Р.

«Гераклиды» в краю нурагов (к вопросу о колонизации Сардинии)

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3458>]

[Публикация работы:]

Подопригора А.Р. 2013: «Гераклиды» в краю нурагов (к вопросу о колонизации Сардинии) // СОФИЯ: Альманах / Р.Р. Вахитов (отв. ред.). Вып. 3: Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа, 455-464.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

«Гераклиды» в краю нурагов (к вопросу о колонизации Сардинии)

Говоря о Сардинии, Павсаний свой долгий экскурс в местную историю завершает следующим пассажем: «Эллины... в гораздо меньшей степени, чем о чем-либо другом, знают и слышали об этом острове» (Paus. X. 17. 7). Действительно, несмотря на то, что Сардиния, второй по величине остров Средиземноморья, имеет весьма удачное стратегическое положение на пересечении торговых путей из Восточного Средиземноморья в Западное, ее жители никогда не славились мореходным искусством, а заезжие торговцы вынуждены были ютиться в немногих удобных для кораблей гаванях – восточные берега скалисты, западные, напротив, – низменны. Для греков классической эпохи остров во многом оставался *terra incognita*. Не случайно, ни один из именитых греческих героев или богов не связан с Сардинией напрямую. Мифоисторическая традиция в числе тех немногих греков, кто рискнул переселиться в этот гористый пастушеский край, называет Аристея и Иолая, героев, чьи имена безнадежно вторичны и не фигурируют ни в одном из важнейших мифо-эпических циклов.

Однако среди многочисленных колонистов традиция не раз упоминает потомков Геракла, чья косвенная причастность к сардинской истории уже отмечалась отечественными антиковедами [1]. Симптоматично уже то, что с Гераклом, точнее с его сыновьями, связаны сразу две колонизационные волны, отстоящие друг от друга на несколько поколений, разделенные двумя другими потоками колонистов с материка. При этом Сардиния – чуть ли не единственный остров в Западном Средиземноморье, на котором сам герой так и не побывал.

В вопросе о колонизации Сардинии уже многие десятилетия окончательные выводы по поводу этнической природы различных групп колонистов мешает сделать ряд сложностей. Не последняя среди них – противоречивость письменной традиции: античные авторы использовали этнонимы, которые сложно сопоставимы друг с другом. Кроме того, нельзя забывать о том, что сведения традиции носят панэллинский характер и нуждаются в критическом анализе. В частности, постоянно подчеркиваемые отсталость и низкий культурный уровень догреческого населения противопоставляются культуртрегерской роли греческих колонистов. Однако самая серьезная апория в вопросе о колонизационных волнах, захлестывающих Сардинию век за веком, – это проблема соотнесения сведений письменной традиции и археологических памятников.

Наиболее подробная и полная история колонизации Сардинии дана у Павсания. Помимо островитян-автохтонов он выделяет восемь основных групп колонистов, прибывших извне и осевших на острове. Первыми на острове появились ливийцы под предводительством Сарда, сына Макерида, которого египтяне и ливийцы называли Гераклом. Самым известным делом Макерида Павсаний считает путешествие в Дельфы. Пришельцы жили бок о бок с аборигенами, не строя городов. Новая волна колонизации шла из Эллады. На этот раз переселенцев возглавлял Аристей, сын Аполлона и Кирены, женатый на Автоное, дочери Кадма. Первый город Нора был построен уже следующими колонистами – иберами Норака, сына Эрифийи, дочери Гериона, и Гермеса. Четвертой группой поселенцев был отряд Иолая, состоящий из феспийцев и жителей Аттики. Первые построили Ольвию, вторые – Огрилу. Павсаний подтверждает, что до его времени сохранилось место, называемое Иолайей и местные жители воздают почести герою-эпониму. Пятая волна связывается с троянцами Энея. Последних Павсаний считает похожими по внешнему виду, военному снаряжению и образу жизни на ливийцев (Paus. X. 17. 1-7). Пятая волна уже может быть грубо датирована и привязана не только к относительной хронологии по поколениям, которой пользовались древние авторы, но и к абсолютным датировкам, поскольку историчность Троянской войны не вызывает сомнений. Завершают историю колонизации ливийцы, корсы и карфагеняне.

Нас интересуют, прежде всего, колонисты Сарда, сына Макерида-Геракла, и Феспиады, сыновья Геракла, под предводительством Иолая, его племянника.

Отметим, что эти сведения Павсания трактуются в высшей степени неоднозначно. Далеко не все исследователи склонны считать этнические ярлыки автора соответствующими действительности.

Анализируя свидетельство Павсания, можно отметить очевидную связь колониационного процесса с Африкой. Как минимум три волны исходили оттуда. Также не раз отмечалось исследователями, что отсутствуют какие-либо упоминания о финикийцах, в то время как археология подтверждает их присутствие на острове. В ряде случаев это дало основания считать ливийцев и иберов, фигурирующих в «Описании Эллады», финикийцами. По мнению Т.П. Кац, Павсаний, говоря о колонизации Сардинии, опирался на Саллюстия (Sall. Bell. Jug. 17), а для того, в свою очередь, источником послужили пунические книги. Следовательно, сказание о Геракле и его войске, которое отправилось в Африку якобы после смерти Геракла в Испании, в основе своей имеет мифологический образ Мелькарта Тирского, а потомки Геракла Ливийского, высадившиеся в Сардинии, – финикийцы [2].

- 457 -

Компромиссом явилось бы предположение о том, что образ Ливийского Геракла имеет две составляющие – греческую и восточную. При этом очень трудно выяснить, что в нем от собственно Геракла, а что – от предполагаемого Мелькарта. Например, эпизод с установлением

«Герakловых столпов» на крайней западной точке ойкумены можно рассматривать как свидетельство существования культа Мелькарта в районе Гадеса, так как святилище у Столбов было основано финикийцами и богослужение проводилось по финикийскому обряду. Но можно вспомнить, что Гераклу приписывалось установление подобных «столпов» и на восточной окраине земли – в Индии (Str. XV. 1. 8). Несмотря на то, что существует множество версий о тождестве Геракла Индийского с каким-либо местным божеством, тем не менее, в обоих случаях была необходима какая-то изначальная предпосылка, благодаря которой и западный и восточный образы были отождествлены с Гераклом.

Тем не менее, доверие традиции в лице Павсания исключает отсутствие в его перечне финикийцев. Высказывались предположения, что с финикийцами связана вторая волна колонистов – Аристей, прибывший из Ливии или из Беотии (Diod. Sic. IV. 82. 4; Paus. X. 17. 3), хотя связь эта и весьма отдаленна: Финикия – Фера – Кирена по линии Аристея, Финикия – Беотия по линии его супруги Автонои, дочери Кадма. Учитывая недоверие исследователей к этническим интерпретациям традиции – даже в отношении спутников Кадма есть сомнения в их принадлежности к финикийскому этносу, – связь с Финикией Аристея кажется еще более условной. Не отрицая наличия торговых контактов финикийцев с Сардинией в более ранний период (примерно с XI в. до н.э. финикийцы начали изучение этих территорий), не будем приравнивать их к колонизации и согласимся с мнением исследователей, отнюдь не склонных преуменьшать финикийское влияние в Средиземноморье, согласно которому финикийская колонизация Сардинии относится к IX-VIII вв. до н.э. [3]. В пользу соотнесения Аристея с финикийцами говорят свидетельства традиции об основанном им городе Каралис, который известен как финикийская колония, против – относительно поздняя датировка финикийских поселений (Ps.-Arist. De mirab. ausc. 100; Sol. IV. 1). «Финикийская версия» колонизации предполагает соответствующее происхождение и группы колонистов Июлая, о чем еще будет сказано ниже.

- 458 -

Кого же могла подразумевать традиция, говоря о «ливийцах»? Обозначение «ливийцы» условно и ориентировано скорее географически, чем этнически. Под ливийцами принято понимать светлокожее население северной Африки к западу от Египта, антропологические особенности которого свидетельствуют о принадлежности к средиземноморскому типу. Этническая же принадлежность ливийцев является спорным вопросом, известным в том числе и как гарамантская проблема. Греческая традиция настаивает на критских корнях ливийских племен гарамантов и насамонов: Гарамант был сыном Акакаллитиды, дочери Миноса, Насамон – ее внуком (Apoll. Rhod. IV. 1498; Herod. II. 32, IV. 172). Участие критского элемента в сложении гарамантской общности является возможным следствием экспансии Крита на африканском континенте [4]. В свете этих данных уже не

кажется обязательным отождествление ливийцев с финикийцами. Возможно, Макерид, отец Сарда, именуемый Гераклом, вовсе не финикийский Мелькарт, а фигура, принадлежащая к эгео-анатолийскому культурному кругу.

Вспомним, что похождения Геракла в Ливии пусть и не отличаются разнообразием и, в основном, сводятся к победе над ливийским царем Антеем и рождению сына от его вдовы, примечательны в одном: они говорят о процессах этнического характера, о взаимодействии двух этносов – завоевателей и завоеванных. Если соотносить эти сведения традиции с данными об этнических перемещениях в регионе, нужно отметить, что в XIV-XIII вв. до н.э. сюда добрались «народы моря», в числе которых были помимо прочих и ахейцы (акайвашу) (и шарданы, которые еще будут упомянуты ниже). Возможно, именно эти события греческие авторы отразили в виде мифа о борьбе Геракла с Антеем. Тогда ливийские «Гераклиды» (Софак и его потомки) вполне могли принять участие в дальнейшем движении все еще пассионарных и миграционно активных «народов моря» и отправиться вместе с шарданами на Сардинию (или с шекелешу на Сицилию).

В пользу африканского происхождения ливийцев Сарда говорит сопоставление ономастики Сардинии с названиями и именами, связанными с Ливией. Так, исследователями усматривается определенное сходство имени Софака (Софакса, Сифакса), сына Геракла и вдовы Антея Тингис, с названием одного из сардинских городов (*Sypicius portus*) (Ptol. III. 3). Ливийское название и имя *Tingis* сопоставимо с именем *Tigasis* в Сардинии [5]. Такое сходство вкупе с вышеизложенным приводит к выводу об этнокультурном взаимодействии этих регионов, хотя и не указывает само по себе на его исключительную древность.

- 459 -

Отмеченное созвучие подчас провоцирует исследователей на попытку найти сходство буквально во всем: отдельные элементы ритуальных практик берберов уподобить обрядам, присущим населению центральной Сардинии, а в ритмике танцевальных движений усмотреть нечто, напоминающее обрядовый танец римских салиев, и даже найти берберские слова в сардинском языке. Для того чтобы вывести эти совпадения из разряда случайных, необходимо объяснить их с позиции известных нам по другим источникам этнических перемещений в Средиземноморье. Итальянский историк Дж. Конту полагает, что сардинцев можно соотнести с филистимлянами, которые после поражения, нанесенного им Давидом, и после смерти Голиафа, покинули свои земли и переселились в северную Африку, где они приняли участие в этногенезе берберо-ливийских племен, а отсюда на острова Средиземноморья. Именно к их появлению на Сардинии привязывается основание прибрежных городов. Изображение же эпонимного бога Сардуса Патера на монетах римского времени сопоставляется с

изображением филистимлянских воинов на египетских рельефах – головной убор Сардуса с перьями похож на их пернатые шлемы [6].

Однако большая часть занимающихся этим вопросом исследователей, соглашаясь с Дж. Конту в том, что «ливийцы» – это этнос из среды «народов моря», расходятся с ним в другом – в качестве колонистов Сарда, сына Макеида, чаще всего видят шарданов.

Сразу отметим, что термины «народы моря» и «шарданы» следует принимать весьма критично, учитывая условность прочтения этнонимов в египетских источниках. Точка зрения, согласно которой шарданы – конгломерат ливийских племен, – связана с именами Э. Пайса и П. Монте [7]. В целом, в их этнической истории пока больше вопросов, чем ответов.

О родине «народов моря» и, в частности, шарданов, высказывались различные мнения. В качестве конкурирующих версий выступают западная Анатолия и Эгеида и центральное Средиземноморье.

Указания на карту расселения «народов моря» Рамзесом III содержатся в так называемом «Ономастиконе Аменопа» (конец XII в. до н. э.), древнеегипетском административном списке местностей. Согласно этому документу, шарданы, пелешет и тевкры были расселены в трех городах – Ашдоде, Ашкелоне и Газе в Ханаане.

Однако и здесь мы не найдем окончательного ответа о путях миграции шарданов, так как иконографические памятники не дают надежной идентификации, поскольку ни круглые щиты, ни рогатые шлемы, с которыми соотносятся шарданы, не являются уникальными отличительными чертами для этой эпохи. Даже приняв изображения воинов в рогатых шлемах на египетских

- 460 -

рельефах за шарданов, практически невозможно выделить их археологическую культуру из общего потока [8]. Тем не менее, общее направление миграции восстанавливается при опоре на египетские источники. Очевидно, шарданы вместе с другими «народами моря», перемещаясь на запад, столкнулись с мощью египетского государства. Воюя то на стороне Египта, то против него, шарданы продолжают движение на запад от Египта и вступают в этнический контакт с ливийскими племенами. Еще раз подчеркнем, что все, о чем было сказано, с полным правом можно отнести не только к шарданам, но и к прочим «народам моря».

Прокопий Кесарийский, описывая историю переселения маврусиев, свидетельствует: «Они поднялись из отчих мест и удалились в Египет, расположенный на границе с ними. Не найдя там места, достаточного для размещения, поскольку население Египта с древних времен было многолюдным, они направились в Ливию. Они выстроили там много городов и овладели всей Ливией вплоть до Геракловых столпов... В Нумидии они выстроили укрепление, где теперь находится город Тигисис, сохранивший доныне свое имя» (Prokop. Bell. Vand. II. 10. 19-23). Интересное уточнение вносит Страбон: «По словам некоторых писателей, маврусии – это индийцы,

пришедшие сюда вместе с Гераклом» (Strabo XVII. 3. 7). Таким образом, в том или ином контексте греческая традиция все же связывала этнические перемещения в ливийском регионе с именем Геракла, чей образ, очевидно, был еще далек от знакомого нам канона.

Дальнейшее является предметом давнего научного спора: можно ли на основании имеющихся археологических, лингвистических и других источников утверждать, что шарданы и стали тем этносом, который мигрировал в Сардинию и дал острову его имя. Относительно СРД (ШРД) египетских источников возможны различные варианты соотнесения с этнонимами. Идентификация с населением Сардинии – лишь одна из версий.

Появление шарданов в Сардинии археологически соотносится с культурой нурагов. За долгую историю археологических исследований на Сардинии строительство нурагов приписывалось грекам, финикийцам, египтянам, пеласгам, иберийцам, ханаанитам и даже гигантским сыновьям Адама. Не вдаваясь в археологический аспект проблемы, отметим, что нураги, часто ассоциирующиеся у исследователей вне зависимости от их малоазийской или ливийской прародины с шарданами, датируются археологами XV в. до н.э., в то время как шарданы не могли попасть на остров ранее XIII в. (по египетским

- 461 -

источникам) [9]. Стоит вспомнить и о другом подходе к проблеме возникновения нурагов, связывающий их с выходцами из эгейско-анатолийского региона, то есть с минойского Крита, сотрясаемого в середине II тыс. до н.э. природными катаклизмами. Эту связь подтверждают критская и микенская керамика, появляющаяся на острове с середины II тыс. до н.э., бронзетти, выполненные в традициях минойского искусства, технология постройки нурагов. В этом контексте технологический прорыв в нурагических конструкциях в XIII-XII вв. до н.э. – свидетельство появления на острове собственно шарданов [10].

Однако поскольку археологически шарданов до их прихода на Сардинию практически невозможно идентифицировать, а иконографические свидетельства серьезно критикуются, нельзя с полной уверенностью сказать, кого из сопредельных ливийских племен, вовлекли шарданы в свою миграцию.

Вторая волна колонизации, связанная с потомками Геракла, возглавлялась Иолаем, его племянником. Колонистами были 40 из 50 (или из 51) сыновей Геракла от дочерей Феспия (Apollod. II. 7. 6; Diod. Sic. IV. 29. 1) и афиняне. По свидетельству Страбона, после высадки на сардинском берегу Иолай и его двоюродные братья по отцу вступили в контакт с местными жителями (Str. V. 2. 7).

Само появление Иолая в роли предводителя переселенцев неожиданно. Казалось бы, эта фигура неразрывно связана с Гераклом. Вспомним, что Иолай – сын Ификла, брата-близнеца героя, постоянный спутник в его скитаниях, помощник в совершении многих подвигов. Иолай даже почитался

совместно с Гераклом: в Киносарге в святилище Геракла был и жертвенник Иолая (Paus. I. 19. 3). Тем не менее, ряд сюжетов рисует его в качестве вполне самостоятельного героя. Иолай участвовал в охоте на Калидонского вепря, как постоянный возница Геракла победил на его колеснице на Олимпийских играх, по одной из версий, учрежденных Гераклом, наконец, он возглавил афинян и феспийцев в их колонизационном походе на о. Сардинию (Paus. I. 29. 5; V. 8. 3-4; VII. 2. 2; VIII. 45. 6; X. 17. 5). Еще в древности было отмечено, что такое выведение колонии, которым руководят «цари, бывшие другого племени, чем народ, который следовал за ними» (Paus. VII. 2. 2), – явление редкое. Показательно, что Иолай воспринимался традицией как предводитель ни к феспийцам, ни к афинянам не имеющий отношения. На Сардинии Иолай проявил себя как крепкий хозяйственник: остров под его

- 462 -

началом расцвел, что стало причиной экспансивных поползновений соседей. Лучшая часть острова стала называться Иолайей, народ, населяющий ее – иолаями. Одно из его замечательных начинаний – постройка общественных зданий – гимнасия, суда – самим Дедалом. Возможно, впоследствии была предпринята попытка выведения колонии в соседнюю Сицилию (Diod. Sic. IV. 30. 3).

Приведенные свидетельства традиции также не раз трактовались, порой, с противоположных позиций. Поскольку Западное Средиземноморье – регион финикийской колонизации, то предпринимались попытки найти финикийские истоки и этой волны. Если Геракл архетипически сближался с Мелькартом, то у его спутника Иолая обнаружились черты сходства с Эшмуном, богом-целителем из окружения «царя города» [11].

Сторонники «финикийской» теории, предполагают наличие функционального сходства между образами Эшмуна и Иолая. Культ пунического божества Эшмуна, храм которого находился в центре Карфагена, многогранен. Эшмун был умирающим и воскресающим богом-врачевателем. Филон Библиский называет Эшмуна восьмым братом кабиров (FHG. III. Fr. II. 27), что может указывать и на покровительство мореплавателям, и на функции психопомпа.

Отождествление Эшмуна и Иолая в эпоху, когда финикийцы основывают поселения на Сардинии (после IX в. до н.э.), – очевидный факт. Однако в более раннюю эпоху Иолай, видимо, представлял собой самостоятельную фигуру, не сводимую ни к греческим, ни к финикийским аналогам.

По данным традиции, появление Иолая в Сардинии во главе сыновей Геракла можно условно соотносить с периодом, отделенным от Троянской войны одним поколением. В этот период торговые и иные контакты микенской Греции простирались довольно далеко и Сардиния входила в ареал микенского присутствия. Вследствие этого сохраняется возможность обнаружить и микенские корни образа. Даже если не доверять

хронологическим потугам греческой традиции в отношении абсолютной хронологии, ей нельзя отказать в определенной логике в хронологии относительной. Последовательность колониционных волн едва ли можно подвергать сомнению, иначе следующим логическим шагом будем гиперкритицизм по отношению к мифоисторической традиции вообще. Иолая и его спутников нельзя считать только финикийцами, хотя бы в силу значительного хронологического опережения.

- 463 -

Собственно исходный образ трудно восстановим. Высказывались мнения о том, что он также ливийского происхождения [12]. Под позднейшими греческими и финикийскими наслоениями, вероятно, было сокрыто местное сардское божество, известное под именем-заменителем Сардус Патер.

Интересно, что следы колониционного потока, связанного с феспийцами, ведут не только на Сардинию. Если проанализировать имена некоторых Феспиадов, окажется, что они встречаются в Западном Средиземноморье: имя Аместрия, сына Геракла и Эоны, соотносится с сицилийским топонимом Amestratus и лигурийским Mastra-mela. Имя же одной из дочерей Феспия, Каламетиды созвучно с ливийским Каламентом [13]. Разумеется, омонимия может оказаться и случайной, но традиция вполне определенно сообщает, что Иолай побывал на Сицилии, а Геракл, будучи на острове, учредил в его честь святилище, при котором впоследствии стали проводиться гимнические и конные состязания (Diod. Sic. IV. 24. 4-6). Здесь мы вновь видим, скорее, божество, а не вторичного греческого героя, заслоненного мощной фигурой Геракла.

Можно ли считать его сардским? И кто такие «сарды» или «сардинцы» после стольких этнических вливаний извне? Очевидно, шардано-ливийский компонент спустя несколько поколений все еще ощущался. Едва ли можно будет когда-либо с полной уверенностью сказать, что Sardus Pater являлся поздней культовой версией почитания предка-эпонима именуемого традицией Сард, сын Макерида. Возможно, имело место приобщение правителя к образу архетипичного обожествленного предка. Однако связь этого образа с культурным кругом «народов моря», частично осевших на западных островах, кажется весьма вероятной.

Не менее интересна и последующая судьба этой божественно-героической фигуры. Отголоски имени «Иолай» можно уловить в этрусском теониме «Vile», сохранившемся на ритуальных зеркалах. Этруски придали сардскому образу облик бога войны, изображаемого с щитом и копьем. Эту взаимосвязь (Иолай-Виле) можно объяснить либо с позиции поздних торговых контактов этрусков с Сардинией, либо исходя из предположения, что часть населения острова некогда переселилась на материк [14]. Иолай, отождествляемый с Виле, часто занимает в иконографической традиции этрусков место брата-близнеца Геракла, Ификла. Так, на одном из зеркал IV

в. до н.э. в известной сцене кормления взрослого Геракла грудью, в которой в качестве

- 464 -

приемной матери фигурирует Uni, а Vile изображен наблюдающим за этой сценой [15].

Артефакты с совместными изображениями Геракла-Херкле и Виле принадлежат к довольно поздней эпохе, в связи с чем часто делается вывод о столь же позднем заимствовании образа Виле из Великой Греции и Сардинии в конце V в. до н.э. [16]. Однако среди votivных предметов в нурагах есть вещи, подтверждающие культурные контакты Сардинии с культурой прото-вилланова и этрусским миром на довольно ранней фазе его развития [17].

Поскольку Апеннинский полуостров являлся полиэтничным регионом, его ономастика стремительно эволюционировала. Иолай стал Виле, но есть мнения, что от этрусского имени в латинской среде могли быть произведены еще более дальние от исходного антропонима (теонима?) варианты: Vile=Fides [18].

Сложная мозаичная этничность населения Сардинии явилась результатом многовековых миграционных процессов, приводящих к появлению все новых и новых переселенцев с материка. Остров оказался в эпицентре этнокультурного взаимодействия североафриканского, анатолийского и италийского регионов. Время однозначных трактовок еще не пришло, но при современном состоянии источников вероятным кажется, что именно контакты с Ливией стали для Сардинии эпохальным событием. Именно миграция «народов моря» (при всей условности этого обозначения) привела к тому, что в разных регионах Средиземноморья привились системы образов и культовых практик, сохранившие древнее единообразие, которое нельзя объяснить, исходя из приверженности архетипу.

1. Кац Т. П. Античная традиция о колонизации Сардинии // Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов, 1972. С. 101.

2. Там же. С. 98 и слл.; Кац Т.П. Финикийцы в Сардинии // Норция. Воронеж, 1971. Вып. 1. С. 60.

3. Knapp A.V. Bronze Age Mediterranean Island Cultures and the Ancient Near East // The Biblical Archaeologist. Vol. 55. 1992. № 3. P. 124. Иногда финикийское присутствие в Сардинии датируется серединой – второй половиной VIII в. до н.э. Однако все исследователи сходятся в том, что появлению поселений предшествовал период предколониционных торговых отношений, который археологически представлен в качестве отдельных артефактов. Niemeyer H.G. The Phoenicians in the Mediterranean // Greek colonisation. Leiden, Boston, 2008. Vol. 1. P. 150.

4. Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н. э. М., 2000. С. 111.

5. Philipp. Sardinia // RE. Stuttgart, 1920. 2 Reihe. Hbd. 2. St. 2483-2486.

6. Contu G. Sardinia in Arabic Sources // *AnnalSS*. 2003 (2005). № 3. P. 288-290.

7. Красновская Н.А. Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986. С. 35.

8. Cline E., O'Connor D. The Mystery of the «sea people» // *Mystery lands*. London: UCL Press, 2003. P. 112; Yasur-Landau A. The Philistines and Aegean Migration at the End of the Late Bronze Age. Cambridge, 2010. P. 182, 207, 283.

9. Dyson S.L, Rowland R.J. Archaeology and history in Sardinia from the Stone Age to the Middle Ages. Philadelphia: UPenn Museum of Archaeology, 2007. P. 54, 60; Cline E., O'Connor D. *Op. cit.* P. 113; Красновская Н.А. Указ. соч. С. 16, 22; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 96.

10. Vanschoonwinkel J. Mycenaean Expansion // *Greek colonisation*. Leiden, Boston, 2008. Vol. 1. P. 67, 97; Ильинская Л. С. Легенды и археология. М., 1988. С. 89-91.

11. Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986. С. 139; Кац Т.П. Финикийцы... С. 60; Кац Т.П. Античная традиция... С. 100; Baudissin W.W.G. Adonis und Esmun. Leipzig, 1911. S. 286-287. Отмечались также общие черты, сближающие Иолоя с Асклепием, с которым он отождествлялся в период эллинизма (Шифман И.Ш. Эшмун // МНМ. Т. 2. С. 675).

12. Красновская Н.А. Указ. соч. С. 31.

13. Philipp. *Op. cit.* St. 2483-2486.

14. Kroll W. Iolaos // *RE*. Stuttgart, 1916. Hbd. 18. St. 1843; Ильинская Л.С. Указ. соч. С. 79 и слл.

15. De Grummond N.T. Etruscan myth, sacred history and legend. Philadelphia, 2006. P. 82, 83, 85.

16. Carpino A.A. Discs of splendor: the relief mirrors of the Etruscans. Madison, 2003. P. 62, 63.

17. Dyson S.L, Rowland R.J. Archaeology and history in Sardinia from the Stone Age to the Middle Ages. Philadelphia: UPenn Museum of Archaeology, 2007. P. 89.

18. Hempl G. *Mediterranean Studies: IV. Etruscan. V. Venetic*. Stanford University, 1932. Vol. 5. № 3. P. 47, 53.

©Подопригора А.Р., 2013 г.

